

1100
лет

СМОЛЕНСК

A stylized, high-contrast silhouette of the city of Smolensk. The image features several domed buildings, likely churches or cathedrals, and a tall, thin tower on the right side. The city is set against a dark background with a light, curved horizon line. The overall style is graphic and minimalist.

Д. А. АВДУСИН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СМОЛЕНСКА И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ

Имя Смоленска составитель «Повести временных лет» впервые упоминает в описании расселения древнерусских племен: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣне свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже съдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо съдять кривичи»¹.

Не рассматривая общих вопросов истории кривичей, которая имеет обширную литературу, особенно новейшую², следует заметить, что этот текст дал основание П. В. Голубовскому считать смоленских кривичей происходящими от полочан. Он также говорит: «Сообщение летописца о том, что у кривичей главный город Смоленск, не имеет значения, так как явилось в конце XI или в XII веке, когда Смоленск действительно или начинает играть или уже играет политическую роль. Но такого значения первоначально он не имел»³.

Действительно, слова «их же градъ есть Смоленскъ» может быть следует понимать не в том смысле, что Смоленск был центром, главным городом кривичей, а лишь как указание на то, что он не был единственным кривичским городом, тем более, что в последующем тексте есть упоминание, что и «въ Полотъски кривичи»⁴. Д. С. Лихачев замечает, что в Летописце Переяславля Суздальского к словам «их же градъ есть Смоленскъ» добавлено «3 (третий) градъ есть се от нихъ създанъ»⁵.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953; Он же. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. История, фольклор, искусство славянских народов. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1963; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, М.—Л., 1963; В. В. Седов. Кривичи. СА, 1961, № 1 и др.

³ П. В. Голубовский. История Смоленской земли, Киев, 1895, стр. 46.

⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 18.

⁵ ПВЛ, ч. II, стр. 222.

¹ Повесть временных лет. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950 (далее — ПВЛ), ч. I, стр. 13.

Несомненно, роль раннего Смоленска летописцу, смотревшему на эти события с высоты XII в., известна мало. Свидетельством этому — очень редкие упоминания Смоленска в ранний период его существования.

«Повесть временных лет» под 862 г. сообщает о походе Аскольда и Дира: «И бяста у него 2 мужа, не племени его, ни боярина и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок»⁶. Этим первым городом, который увидели на Днепре Аскольд и Дир, по «Повести временных лет», был Киев. Но в Устюжском летописном своде под 863 г. написано: «Асколд же и Дир испросистася у Рюрика ко Царюграду итѣти с родом своим и поидоша из Новаграда на Днѣпр реку и по Днѣпру вниз мимо Смоленск и не явистася в Смоленску, зане град велик и мног людьми и приплыста под горы Киевския и узрѣста на горѣ град мал»⁷.

Здесь запись о походе Аскольда и Дира существенно дополнена упоминанием о Смоленске, которого нет в других источниках. Это сообщение вызывает ряд возражений. Например, известно, что в 860 г. Аскольд и Дир были уже в Константинополе; внушает сомнения также и то, что из днепровских городов упомянут, кроме Киева, только Смоленск, а Вышгорода и Любеча нет, хотя их древнее существование засвидетельствовано письменными источниками⁸. Не объясняется ли введение в текст летописи Смоленска тем, что составителю Устюжского летописного свода первой четверти XVI в. Смоленск, вокруг которого тогда разворачивались важные события, был более знаком, чем Любеч и Вышгород?

Сторонники достоверности этого сообщения указывают на то, что в Устюжском своде отражен Начальный свод, что Любеч и Вышгород по своему значению несравнимы со Смоленском, что хронология и в других летописях не всегда точна.

Если это свидетельство Устюжского летописного свода в какой-то степени достоверно, его можно считать древнейшим упоминанием Смоленска⁹.

Несколько позднее Смоленск известен Первой Новгородской летописи: «И бысть у него воевода именемъ Олегъ, муж мудръ и храборъ. И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смоленскъ град. И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру и приидоша

⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 18.

⁷ Устюжский летописный свод. Ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 20.

⁸ Любеч упомянут под 882 г., Вышгород — под 946 г.

⁹ Впервые на это обстоятельство указано мною в кн. «Смоленск. Справочник-путеводитель», Смоленск, 1957, стр. 3. Упоминание Смоленска во вводной части «Повести временных лет» не может считаться древнейшим, поскольку она является обзором, который не излагает событий определенного года.

къ горам киевѣским»¹⁰. Это сообщение, по мнению ряда исследователей, восходит к Начальному своду, а поэтому оно особенно важно. В нем Олег назван воеводой, а не князем, здесь нет ни слова о составе войска Олега, нет подробностей взятия Смоленска. Судя по этой летописи, это взятие было не мирным принятием власти Олегом. Ничего не сказано и о судьбе Смоленска после его взятия.

Поход Олега известен и «Повести временных лет», где он описан под 882 г.¹¹ «Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдъ, словѣни, мерю и всѣ кривичи, и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде вниз и взя Любечь, и посади мужь свои»¹².

«Повесть временных лет», таким образом, в ряде списков подчеркивает, что в войске Олега были «все кривичи», т. е., как мы понимаем, представители всех племен, входивших в кривичский племенной союз. Это сообщение указывает также, что Смоленск — кривичский город, а раз это так, то смоляне, как видимо думал летописец, должны были добровольно подчиниться войску, в которое входили соплеменники¹³.

Устюжский летописный свод относит поход Олега к 881 г. и дополняет его живописными подробностями: «Слыша яко Аскольд и Дир княжита в Полянѣх, и поиде из Новаграда воивати, и налѣзоста Днѣпр реку, и приидоста под Смоленск, и стаща выше города и шатры иставиша многи разноличны цвѣты. Увѣдавшие же смольняне, и изыдоша старѣишины их к шатром и спросиша единого человека: «кто сеи прииде, царь ли или князь в велицѣи славъ?» И изыде из шатра Ольг, имы на руках у себя Игоря, и рече смольяном: «сеи есть Игорь князь Рюрикович руский». И нарекоша его смольняне государем, и вдася весь град за Игоря. И посади в нем намѣстники своя, а сам поиде по Днѣпру вниз, и приде к горам Киевским»¹⁴.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, стр. 117.

¹¹ В Новгородской летописи поход упомянут в записи 854 г., но дату в ней приходится вычислять, так как эта запись выходит за рамки одного года.

¹² ПВЛ, ч. I, стр. 20. В Лаврентьевской и Радзивилловской летописи «и всѣ кривичи», в Тверской — «весь, кривичи».

¹³ Голубовский полагал, что кривичи из войска Олега были полочанами. При предполагаемом им главенстве полоцких кривичей Смоленск был лишь пригородом Полоцка, а поэтому «пригород мирно следует примеру своей метрополии. Но в летописях указаны «всѣ кривичи», т. е. эти кривичи были из разных племен. Если же принять редакцию «весь и кривичи», и под кривичами, вслед Голубовскому, понимать только полочан, то путь из Новгорода в Смоленск должен был бы проходить по кривичской территории только через Полоцкую землю, иначе непонятно, почему эти кривичи были только полоцкими, а скажем, и не тверскими. Но предположение Голубовского противоречит направлению путей, обрисованному им самим. Наконец, как было показано, есть место для сомнений в мирной сдаче Смоленска Олегу. См. Голубовский. Указ. соч., стр. 47.

¹⁴ Устюжский летописный свод, стр. 21.

Это сообщение в своей первой части перекликается с Новгородской Первой летописью. Олег также идет воевать, он также «налезоста Днѣпр реку», здесь нет описания племенного состава войска Олега и указания, что Смоленск был городом кривичей. Но появляются и новые эпизоды: Олег стал выше города, значит летописец знал, что дорога на Днепр выходила выше Смоленска; Олег показывает Игоря смолян; к Олегу выходят старейшины. Может быть, в явлении Игоря смолянам отразилась современная летописцу идея централизованной власти, принятием законного государя он объяснил добровольную сдачу Смоленска, иначе ему непонятную. Автор Устюжского летописного свода выбросил аналогичный эпизод (показ Игоря Олегом) из сцены взятия Киева, может быть, как противоречащий логике событий: зачем убеждать самозванных князей Аскольда и Дира в законности власти Игоря, если Олег сам действует оружием. Таким образом, во второй части этого рассказа ощущается переосмысление событий летописцем.

Описания похода Олега в Смоленск указывают на реальное существование этого города и его определенную роль в конце IX в., которую отрицал Голубовский, мотивируя свое мнение и тем, что Смоленск не упомянут в договоре Олега с греками в числе городов, на которые шла греческая дань. Голубовский писал: «В походе на Царьград участвовали и кривичи, и вот на главный город их, на старый Полоцк, как на представителя земли и берется дань. О Смоленске не может быть и речи, как не имевшем еще политического значения»¹⁵. Однако текст летописи гласит: «Даяти уклады на рускы грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтѣвскъ, на Ростов, на Любечъ и на прочаа города; по тѣм бо городомъ сядяху велиции князи, под Олгом суще»¹⁶. Голубовский, таким образом, резонно подразумевает, что Смоленск не мог войти в число «прочих городов», но отвергает намек летописца, что некоторые русские города, в числе которых мог быть и Смоленск, не включены в договор, как не бывшие под Олегом.

Нет сомнения, что до Олега Смоленск не знал власти киевского князя¹⁷. Судьба наместников Олега в Смоленске нам неизвестна, но, видимо, эти, оставленные в 882 г., «мужи его» (если они были оставлены) вряд ли могли сохранить город «под Олегом». Смоленск, видимо, сохранял определенную самостоятельность по отношению к центральной княжеской власти, и в этой самостоятельности можно видеть причину того, что с 882 года Смоленск не упоминается в летописях 133 года.

¹⁵ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 47.

¹⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 24.

¹⁷ А. Н. Насонов считает, что Смоленск должен был признать господство киевского князя, но далее говорит о признании Смоленском суверенитета Руси. Но, видимо, это признание суверенитета произошло не в IX в. См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства», М., 1951, стр. 162.

О том, что Смоленск в этот, более чем столетний период развивается и приобретает все большее значение, говорит свидетельство Константина Багрянородного, относящееся к 946—953 гг. Это известное место о том, что «однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Немогарды, в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Мелиниски, из Телюцы, Чернигоги и из Вышеграда. Все они спускаются по Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата»¹⁸. Мелинской исследователи считают Смоленск. Этому отождествлению соответствует греческая надпись на печати смоленского епископа Мануила (1137—1168 гг.), где он назван епископом «смолиниску»¹⁹. Видимо, написание названия Смоленска в форме Мелиниска — Смолиниску было обычно для греческого языка.

Древнейшие саги не знают Смоленска²⁰. Таким образом, сообщение Константина Багрянородного — первое иностранное свидетельство, подтверждающее существование Смоленска.

Примечательно, что из пяти перечисленных Константином Багрянородным городов крепостями названы лишь Киев и Смоленск. В связи с этим следует обратиться к терминологии русских летописей. До похода Олега на Царьград «Повесть временных лет» городами называет только Новгород, Киев и Смоленск, а Белоозеро, Изборск, Полоцк, Ростов, Муром, Любеч, Псков упомянуты лишь по названию, без добавления слова «город». Лишь в договоре 907 года городами названы и Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч.

Таким образом, Смоленск поставлен летописцем в один ряд с Новгородом и Киевом. Если в летописи есть воспоминания о том, что Киев был «городок мал», то к Смоленску этот уменьшительный термин никогда не применялся. Несомненно, что Новгород и Киев были городами большего значения, чем Смоленск, а поэтому то почетное место, которое занимает Смоленск в летописи, нуждается в объяснении.

Термины «град», «город» могли быть применены к Смоленску, во-первых, для того, чтобы показать, что это место, известное некогда как незначительное поселение, стало городом. Но ни один источник не упоминает Смоленск до того времени, когда он назван в летописи. Значит, нельзя думать, что Смоленск был известен в ином качестве до того момента, как стал городом.

Этот термин, во-вторых, мог быть приложен к Смоленску, чтобы отличить его от какого-то одноименного урочища. Но подобное урочище нам тоже неизвестно.

¹⁸ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Составитель Г. Е. Кочин, Л., 1936, стр. 60.

¹⁹ В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII века. СА, 1957, № 1, стр. 116.

²⁰ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 48.

Наконец, Смоленск мог быть поставлен в один ряд с Киевом и Новгородом, чтобы подчеркнуть размеры его укреплений, которые, собственно, и давали право поселению называться городом. Это предположение хорошо согласуется с сообщением Константина Багрянородного. Значит, с первых страниц летописи Смоленск выступает как крупный город. Если обратиться к другим источникам, то можно найти и прямое указание на то, что Смоленск был «велик и мног людьми», в то время как Киев иногда представлен как «градок мал»²¹.

Нельзя, конечно, думать, что Киев — «мать городов русских» — был меньше Смоленска по площади и по населению. Вероятно, летописцы сравнивали лишь укрепления этих городов. Древнейшие укрепления Киева охватывали очень незначительную территорию, но город далеко выходил за их пределы, будучи крупнейшим городом Руси. Значит, понять слова летописи, что Смоленск был «град велик и мног людьми» можно только в том смысле, что уже ранние городские укрепления Смоленска представляли собой не стены детинца, как в Киеве, а охватывали весь город с посадом.

Детинец в Смоленске не упомянут нигде и можно думать, что его в городе никогда не было. А ведь детинец — это княжеская цитадель. Весьма характерны летописные упоминания Смоленска, как города кривичей, т. е. как города определенного племени, а не князя. Это сообщение соответствует умолчанию Смоленска в договоре 907 г., когда он не имел «величества князя под Олгом суще». Наконец, в Устюжском своде есть упоминание о том, что к Олегу в 882 г. вышел не смоленский князь, а старейшины.

Таким образом, весьма вероятно, что древнейший Смоленск не знал княжеской власти, а был городом вечевым. Остатки вечевоего строя хорошо заметны в последующей смоленской истории²².

Этим и исчерпываются письменные свидетельства об истории Смоленска в IX—X вв. Их крайне мало, а выводы, которые можно сделать из этих сообщений, хотя и важны, но ограничены. Таким образом, в воссоздании истории Смоленска археологическим данным отведена значительная роль.

Археологические исследования Смоленска начались почти сто лет тому назад — в июле 1867 года²³. Широкое и систематическое археологическое изучение города и Смоленской земли в целом развернулось в советское время, особенно после Великой Отечественной войны.

²¹ Устюжский летописный свод, стр. 20 и Тверская летопись.

²² ПСРЛ. I. Лаврентьевская летопись, Л., 1926, стр. 377 под 1176 г. П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 214 и след.

²³ М. П. Полесский-Щепилло. Раскопки развалин древнего храма. «Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г.».

Вопрос о времени возникновения Смоленска волновал многих исследователей. В публикуемой в этом сборнике статье Е. А. Шмидта исследователь картографирует поселения разного времени, расположенные вокруг Смоленска. Он открыл, что в IX—X вв. число этих поселений и их плотность резко увеличиваются и справедливо связывает это явление с возникновением притягательного центра — города. Наблюдение Шмидта несомненно важно: оно говорит, что Смоленск возник в IX—X вв.

Однако история первоначального Смоленска может быть изучена только непосредственно по городским древностям.

Местоположение Смоленска характерно для русских городов, многие из которых расположены на крутых холмах, стремительно спускающихся к реке. Но такая типичность смоленских холмов не была замечена Голубовским, который писал: «В новейшее время он (т. е. Смоленск. — Д. А.) расположен уже на правом возвышенном берегу Днепра, но в древнейшее время главная часть города лежала на левой, низменной стороне, что доказывается нахождением там развалин церквей и монастырей. Еще Герберштейн, проезжавший через Смоленск в XVI в., указывал на этот факт»²⁴.

Ссылка этого выдающегося исследователя Смоленска на Герберштейна и на наличие в низменной части города большого количества древних развалин доказывает лишь, что Голубовского мало интересовала топография изучаемого им города. Он не знал, что по другую сторону Днепра древних руин не меньше, а гораздо больше. Не знал Голубовский и того, что низменный берег Днепра — правый берег, а не левый.

Вполне определенно мнение о первоначальном месте Смоленска у С. П. Писарева: «Левый берег Днепра в местности Смоленска, благодаря четырем холмам, вдавшимся в долину этой реки (по теперешнему названию, начиная с запада: Казанский, Воскресенский, Соборный и Георгиевский), представлял более удобное место для жилья в смысле естественной защиты. Между этими четырьмя холмами и приютился город, окружив себя еще в доисторическую эпоху на верховьях оврагов этих холмов, в направлении к югу на горе, двойною линией валов»²⁵. И. И. Орловский также полагал, что Смоленск был основан в незапамятные времена на Соборном холме²⁶.

Выдающийся смоленский археолог А. Н. Лявданский отмечал, что о существовании в древности городища на Соборной горе не сохранилось ни летописных, ни устных преданий, кроме легенды у жителей д. Ерши-Ладыжицы в связи с их «город-

²⁴ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 57.

²⁵ С. П. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске, Смоленск, 1898, стр. 5.

²⁶ И. И. Орловский. Достопамятности Смоленска, Смоленск, 1905, стр. 3; Он же. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. 1, ч. I, Смоленск, 1909, стр. 200.

цом». Лявданский также отмечает, что ни Писарев, ни Орловский не могли подтвердить свое мнение о городке на Соборном холме (и, заметим также, тем более о двойной линии валов, якобы окружавших это городище).

В 1924 г. Лявданский обследовал Соборный холм с юга, где не обнаружил никаких следов городища. Через год он и И. М. Хозеров на крайней северной части холма открыли слой древнего городища, где обнаружено десятка два черепков грубой лепленной посуды типа Лахтеевского городища и некоторые другие предметы. Площадь этого городища очень невелика, так как шурф, заложенный во дворе музея, уже не обнаружил этого культурного слоя. Лявданский отмечал, что по культуре это городище и открытые им ранее в Смоленске Лестровское и Рачевское относятся к одному и тому же времени и значительно древнее самого Смоленска²⁷. Эти городища Лявданским были отнесены к первой группе и датированы VI—VIII вв. н. э., по, как полагает Е. А. Шмидт, их следует отнести к еще более древней эпохе²⁸.

В ноябре 1939 г. во время случайных земляных работ на Соборном холме были обнаружены остатки северной стены церкви, предположительно заложенной Владимиром Мономахом. Сколько-нибудь подробного отчета о проводившихся тогда наблюдениях за этими работами не существует, найденные вещи не сохранились. В газетной заметке и в кратком сообщении о докладе об этих работах имеется указание, что при раскопках развалин Мономахова собора была найдена лепная керамика²⁹. В заметке и в сообщении эта керамика датируется по-разному, не дано ни ее рисунков, ни описания, даже не указано число найденных черепков. Хозеров склонен считать, что «керамика X—XI вв., обнаруженная при обследовании фундаментов собора, свидетельствует о существовании на Соборной горе поселения и в это время; по наблюдениям Н. П. Милонова, культурный слой городища X—XI вв., мощностью около 0,5 м, залегает на глубине от 2,5 до 3 м»³⁰.

Как видно из этой цитаты, сам Хозеров не видел этого культурного слоя, возможно, не видел и найденной керамики. В упомянутых газетной заметке и сообщении о докладе говорится, что керамика была найдена в культурном слое под бытовой кладкой фундамента собора, который имел мощность 1,5 м. От-

²⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, вып. 3, Смоленск, 1926, стр. 205 и след.

²⁸ Приношу мою благодарность Е. А. Шмидту за это сообщение.

²⁹ Н. Милонов. Древнейший памятник архитектуры. Газета «Рабочий путь», Смоленск, № 3, от 4 января 1940 г.; и сообщение о докладе Н. П. Милонова «О результате исследований в г. Смоленске на территории Кремля». Историко-археологический сборник под ред. А. П. Смирнова, М., 1948.

³⁰ И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, вып. XI, М.—Л., 1945, стр. 25.

сюда следует, что фундамент не достигал материка и был заложен в культурном слое, что мало вероятно по целому ряду причин. К тому же, если это была лепная керамика, то ее нельзя отнести к X—XI вв., когда в Смоленске была уже посуда, сделанная на гончарном круге. Наконец, столь мощный для древнего городища культурный слой (0,5 м) должен был простираться во все стороны, а к краю городища в особенности, но, как указывал Лявданский, при раскопках во дворике музея (т. е. в 20—25 м от места, где найдены эти черепки) был найден культурный слой, толщиной 0,7 м, с обломками посуды типа Ковшаровского городища. Все это внушает большие сомнения в верности датировки культурного слоя, обнаруженного при случайных работах в 1939 г., если только действительно это был культурный слой.

Когда встал вопрос о новых раскопках в Смоленске, то Соборный холм явился первоочередным объектом раскопок. Если бы здесь были найдены остатки поселения с ненарушенным слоем IX—X вв., его можно было бы считать местом одного из древнейших поселений на территории Смоленска. «Одного из древнейших» — потому, что Смоленск, подобно Киеву, мог возникнуть и из нескольких древних городищ.

В настоящее время Соборный холм сильно застроен. Его центральная часть — особенно заманчивый объект раскопок, так как именно здесь был открыт фундамент церкви, которую считали собором, заложенным Владимиром Мономахом в 1101 г. Но в то же время можно предположить, что древние слои вокруг собора были сильно потревожены при его постройке и возможным кладбищем, которые весьма обычны вокруг церквей. Кроме того, эта часть Соборного холма сильно перерыта траншеями городского хозяйства. Поэтому первоочередным объектом раскопок это место быть не могло. Рискованно было копать и внутри ограды современного собора, так как там могло оказаться сравнительно позднее кладбище. Как мы видели, А. Н. Лявданский писал, что в северной и южной частях Соборного холма нет слоев IX—X вв. Западную часть копать было сложно в силу ее застроенности. Оставалась восточная часть, примыкавшая к Малой Школьной улице. Здесь Соборный холм имеет две площадки — верхнюю и нижнюю. На обеих были заложены раскопы.

Верхний раскоп, площадью 100 кв. м, не дал непотревоженного культурного слоя. Здесь слои состояли из битого современного кирпича с редкими включениями обломков плинф и большемерного кирпича. Встреченная керамика сильно перемешана и относится к позднему времени. На самом дне раскопа встречены черепки поливных тарелок, обломки изразцов XVII в., осколки штофов. Вероятно, весь этот слой является мусором, образовавшимся при каком-либо ремонте современного собора. Северный склон холма, как отмечал Лявданский, состо-

ит из такого же мусора. Таким образом, можно говорить, что в древности Соборный холм был ниже, а его верхняя площадка несколько меньше.

Раскоп на нижней площадке имел площадь 160 кв. м. Он дал три значительно перекопанных ямами культурных слоя. Верхний слой, мощностью, в среднем, 0,6 м, содержит мореную и лощеную керамику, по которой (а также по другим находкам) слой датируется XVI—XVII вв. Интересно отметить, что вещей моложе XVII в. здесь почти не встречено. Видимо, нижняя площадка Соборного холма в более позднее время не была заселена.

Второй слой, мощностью 0,25—0,4 м, содержит керамику из грубого теста с высокой шейкой, с утолщенным, несколько загнутым внутрь венчиком, с линейным, а иногда ногтевым орнаментом. Дата слоя определяется каменными литейными формами, многочисленными обломками стеклянных браслетов, шиферными пряслицами, а его поздний предел — монетой Ивана Грозного (до 1547 г.). Значит, слой датируется XII—XVI вв. В этом слое найдены остатки построек.

Третий слой, толщиной до 0,5 м, содержит гораздо меньше стеклянных браслетов и керамики. Она, в основном, грубая, с примесью дресвы, с грубым линейным орнаментом по плечу. Шейка прямая, высокая, венчик отогнут. Здесь найдены бипирамидальная сердоликовая бусина, обломок светильника т. наз. киевского типа, пряслица розового шифера. Хотя нижняя граница даты некоторых вещей и древнее XII в., по бытовали эти вещи (некоторые бусы, пряслица) в течение всего домонгольского периода. Наличие же в слое стеклянных браслетов не позволяет его датировать временем старше XII в. Возможно, что это тот же слой, который Лявданский обнаружил в дворике музея и керамику которого он сравнил с посудой из Ковшаровского городища, относящегося к XI—XIII вв.

Культурный слой в целом здесь сильно перемешан. При раскопках обнаружены 28 ям, в некоторых местах древние слои совершенно уничтожены перекопами.

Некоторое время спустя Н. Н. Воронин предпринял раскопки остатков церкви, которые считали остатками собора Мономаха. Как выяснилось, церковь была построена в середине XII века и ни по времени постройки, ни по своим размерам не могла быть этим собором. Около развалин и под ними не оказалось ни черепков, ни иных вещей, которые можно было бы отнести к IX—X вв.

К северу от этого раскопа мною был заложен раскоп для исследования культурного слоя. Он оказался почти сплошь перекопанным, а в уцелевших местах остатков материальной культуры IX—X вв., по-прежнему, не оказалось.

Таким образом, слоев древнее XI в. на Соборном холме не обнаружено. Предположим, что места раскопок были выбраны

неудачно и на этом холме где-то есть слои IX—X вв. Но и в таком случае мы вправе думать, что поселение IX—X вв. на Соборном холме, если оно было, было ничтожным, так как оно окружено кольцом раскопов, не давших древних слоев. Это предполагаемое поселение не могло быть укреплено, так как его слои не подходили бы близко к краям холма. Значит, оно не могло бы играть роли детинца, роли ядра-зародыша Смоленска. Этой роли Соборного холма противоречит и сообщение Уставной грамоты Ростислава 1150 г. «И се даю на посвѣтъ Святѣй Богородици, изъ двора своего, осмь капий воску и на горѣ огородъ, с капустникомъ и с женою и с дѣтми»³¹. Согласно этому сообщению на горе у святой Богородицы был капустный огород, которому скорей всего не нашлось бы там места, если бы Соборный холм был историческим центром города.

Гипотеза о поселении IX—X вв. на Соборной горе ни в чем не подтвердилась, и ее надо отбросить. Соборная гора не была историческим центром города и могла быть лишь более поздним его религиозным центром. На ней нет места для домов княжеской челяди, для княжеского двора.

Хозеров, не приводя подробностей, говорит о находке на Спасском холме, расположенном далеко на окраине Смоленска, «культурных напластований поселения, относимого по керамике, аналогичной по технике керамики Гнездовских курганов, к IX—X вв.»³². Авторитет Хозерова не допускает сомнений в правильности атрибуции этой керамики, но ввиду отсутствия подробностей вряд ли возможно делать из этого сообщения какие-либо выводы. Однако само крайнее расположение этого поселения заставляет думать, что оно было незначительным и по величине и по его месту в истории Смоленска. К сожалению, раскопки этого предполагаемого поселения невозможны.

Если не считать этого короткого сообщения Хозерова, мы ничего не знаем о слоях IX—X вв. в Смоленске. Их поиски — одна из задач археологического исследования города. Но в круг смоленских древностей входят известные Гнездовские курганы, расположенные рядом с городом, которые значительно пополняют наши знания о древнейшем Смоленске.

Систематическое исследование Гнездовских курганов было начато раскопками М. Ф. Кусцинского в 1874 г. Раскопки были продолжены в последующие годы. Среди исследователей нужно указать В. И. Сизова, раскопавшего наибольшее количество насыпей. Наиболее интересными и методически правильными для своего времени были раскопки, произведенные С. И. Сергеевым в те же годы, когда копал Сизов³³.

³¹ Дополнения к актам историческим, т. 1, СПб, 1846, стр. 6.

³² И. М. Хозеров. Археологическое изучение..., стр. 24.

³³ М. Ф. Кусцинский. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г. Древности. Труды Московского археологического общества, М., 1881, т. IX, вып. 1; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский мо-

В результате массового исследования курганов сложилось следующее представление о Гнездове и его отношении к Смоленску.

Основным обрядом погребения в Гнездове было трупосожжение. На более чем 700 исследованных тогда курганов приходилось только 5 труположений. Сизов и А. А. Спицын дали характеристику найденных вещей, среди которых указали вещи местные, скандинавские, восточные. Сизов обстоятельно характеризовал керамическое производство, указал на развитие производства, особенно обработки металлов. На основании изучения вещей время насыпки Гнездовских курганов Сизов определил IX и особенно X веками. Отмечены торговые связи со Скандинавией, Ярославским Поволжьем, Средней Азией, отчасти со странами южного побережья Балтийского моря. Сизов указал на военный характер ряда погребений. Говоря о племенной принадлежности людей, погребенных в Гнездове, Сизов считал, что основную массу погребенных составляли кривичи, но он отмечает и некоторую прослойку варягов, указывая однако, что «этот пришлый элемент не давал особенной окраски населению Гнездова и не играл здесь главной роли». Сизов был первым, кто высказал предположение, якобы, древний Смоленск был здесь же, в Гнездове, на одном из городищ.

Новые большие раскопки в Гнездове были начаты в 1949 г. экспедицией Московского университета и Смоленского музея. Раскопки были продолжены в 1950, 1952, 1953, 1960, 1961 и 1963 гг.³⁴ Всего было раскопано более 200 курганов. Эти исследования внесли много нового в наше понимание этого памятника, а также позволили уточнить или исправить некоторые выводы Сизова.

Новые раскопки в Гнездове прежде всего дали многочисленные вещи, некоторые категории которых отсутствовали или были малочисленны в прежних раскопках. К ним относятся мечи, боевые топоры, золотые бляшки, перстни, впервые встречены в

гильник близ Смоленска. Материалы по археологии России, № 28, СПб, 1902. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Известия археологической комиссии, вып. 15, СПб, 1905. Он же. Отчет о раскопках, произведенных И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VIII, вып. 1, СПб, 1906. А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды Смоленских государственных музеев, вып. 1, Смоленск, 1926.

³⁴ Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. 38, М., 1951. Он же. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. 44, М., 1952. Он же. Гнездовские курганы, Смоленск, 1952. Он же. Неонорманистские измышления буржуазных ученых. «Вопросы истории», 1953, № 12. Он же. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1, Смоленск, 1952. Он же. Отчет о раскопках Гнездовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, Смоленск, 1957.

курганных инвентарях Гнездова художественные изделия с зернью, бритва, шарнирные ножницы и ряд других предметов, важных для выводов. Весьма существенно, что этот материал представляет собой ненарушенные комплексы погребального инвентаря, что мы далеко не всегда встречаем, работая с материалами прежних раскопок.

Сохранность комплексов позволила уточнить датировку Гнездовских курганов. Погребальные инвентари теперь датировались не только с помощью монет, найденных в ряде гнездовских погребений, но также рядом хорошо датированных предметов, дата которых еще не была известна Сизову. Это различные типы скорлуповидных и круглых фибул, железные гривны и проч. Таким образом, удалось установить, что значительная часть Гнездовских курганов была насыпана во второй половине X в. Курганов IX в. в Гнездове нет вовсе. Ряд курганов не может быть датирован с точностью до полустолетия, а поэтому их дата определяется как X век. Но число курганов, которые можно датировать первой половиной X в., так мало, что есть основания полагать, что и из тех курганов, которые нельзя датировать более точно, лишь малая часть относится к первой половине этого столетия.

Керамическая коллекция из Гнездова по существу создана заново, так как от прежних раскопок сосудов сохранилось очень мало. Ведь черепки Сизов обычно не брал. Сосуды, найденные в Гнездове, позволяют пересмотреть дату появления гончарного круга в Смоленской земле, которую теперь пужно отнести к более позднему времени, чем думали раньше, — к середине X в. Время появления гончарного круга важно для установления времени отделения от земледелия гончарного ремесла, а оно отделяется первым после металлургического.

Как раньше, так и теперь погребения с достаточно многочисленным инвентарем составляют менее четверти раскопанных курганов. Оружие содержат лишь 24 кургана из 200, т. е. 12%. Значит, вовсе не большинство погребений имеет военный характер, как пишут многие историки, ссылаясь на книгу Сизова. Абсолютно преобладают бедные захоронения, которые нельзя считать погребениями дружинников, хотя бы и рядовых. Значит, Гнездово — не только и не столько военное кладбище, сколько место погребения рядового городского населения. Деревенским кладбищем Гнездово быть не может в силу огромных размеров курганной группы и «городского» характера погребальных инвентарей. Значит, оно — городское кладбище языческого Смоленска.

Наличие значительной военной прослойки в сочетании с сильной имущественной дифференциацией позволяет думать о быстром становлении феодализма в X в. Сильная дружина — реальное явление для Смоленска этого времени. Она представляла собой организованную силу феодализирующейся власти,

охрану этой власти, войско, охранявшее и расширявшее пределы подвластной территории. Но нужно еще раз повторить, что дружина определяет характер гнездовских погребений, что большинство из них не имеет военного характера.

Анализируя вещи, можно повторить старый вывод о преобладании в Гнездове местных изделий. Однако связи с другими странами несомненны. О торговле с Волжской Болгарией говорят находка болгарского сосуда, замка болгарского типа и окско-мордовское направление многочисленных вещевых аналогий. Вещи и монеты, привезенные, видимо, через Болгар из Средней Азии и Ирана, известны еще из раскопок Кусцинского, Сизова, Сергеева. Несомненна связь со Скандинавией. Византийских вещей и особенно монет меньше, чем восточных, но они также есть.

Анализ погребального обряда показал, что в Гнездове преобладают трупосожжения, произведенные на месте сооружения курганов. Этот обряд не типичен для погребений предшествующего периода в Смоленской земле, что говорит о новом притоке населения. Этот обряд редок и в других русских областях, проявляясь, главным образом, в курганах так называемого дружинного типа. В целом это объяснимо тем, что территорию Смоленской земли до очень позднего времени, вплоть до X—XI вв. занимали некоторые литовские племена (вспомним летописную голядь), обряд захоронения у которых был иной. Здесь важно отметить, что погребальный обряд в Гнездове, хотя и не повторяет обряда предшествующего периода, но имеет сходные с ним черты. Таковы, например, четырехугольные курганные насыпи, напоминающие пирамиду, восходящие к длинным курганам и известные в IX в., но в Гнездове уже относящиеся к следующему столетию.

В иных курганах наблюдаются особые глиняные подстилки, на которые были поставлены погребальные урны. В других случаях погребальная урна была обложена камнями. Сизов писал о каменных выкладках, встреченных им в ряде курганов. В некоторых курганах на горло урны надеты железные гривны. Наконец, в Гнездове известны курганы, содержащие трупосожжение, произведенное в ладье. Все эти черты погребального обряда — северные. Эти детали в сочетании с достаточным количеством вещей скандинавского типа позволяют предположить в ряде курганов погребения скандинавов. Количество таких погребений невелико — не более 3—5%, их инвентарь не всегда говорит о значительной роли погребенного лица при жизни. Роль варягов на Руси нам известна и археологически. Обычно это были наемные воины, причем их значительная часть быстро руссифицировалась.

Некоторые вещи, найденные в Гнездовских курганах, отличаются причудливой комбинацией северного стиля с формами, обычными в Гнездове. Шведские археологи Т. Арне и Х. Арб-

ман признают необычность подобного сочетания для Скандинавии, но они полагают, что это явление было результатом наличия в Гнездове шведской колонии, где подобные вещи делали шведские ремесленники. А. В. Арциховский, возражая им, пишет, что «нельзя решить, кто изготовлял эти гибриды: скандинавы, находившиеся под славянским (может быть, вообще восточноевропейским) влиянием, или славяне, находившиеся под скандинавским влиянием (финские, летто-литовские и тюркские изделия тоже возможны, но они в Гнездове немногочисленны). Второе решение для вещей, находимых только в России, вероятнее. Но тогда мало остается от предположения о шведской колонии»³⁵.

Существенный удар по норманской теории нанесла находка в Гнездове древнейшей русской надписи³⁶. Она написана в середине X в. на русском языке, русским и для русских. Не какой-либо скандинавский язык, а язык русский господствовал в древнем Смоленске.

Как известно, легенда относит так называемое призвание варягов к IX веку. Но ни скандинавских, ни русских курганов IX века в Гнездове нет. Более того, как показала В. С. Дедюхина, максимум скандинавских вещей падает во всей Руси на вторую половину X века, а не на IX век³⁷. Не время князей со скандинавскими именами Рюрика и Олега было временем сооружения Гнездовских курганов, а время Святослава, у которого славянским было не только имя, а весь характер его деятельности.

Норманскую теорию образования Русского государства критикуют не только советские археологи. Так, английский историк П. Соьер пишет: «Как бы ни была понята скандинавская деятельность, ясно одно, что шведы никогда не могли играть важную роль на Руси как поселенцы. Их влияние на топонимику ограничено речными путями и нигде не имеется археологических доказательств, способных подтвердить предположение об обширных и частых скандинавских поселениях»³⁸.

Относительная удаленность Гнездовских курганов от Смоленска всегда вызывала попытки ее объяснения. Наиболее ве-

³⁵ A. Artsikhovskiy. Archaeological data on the Varangian Question. VI International Congress of prehistoric and protohistoric Sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR. Moscow, 1962, p. 7.

³⁶ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник Академии наук СССР, 1950, № 4. П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. Известия АН СССР, отд. лит. и языка. IX, 5, 1950. F. V. Mares. Dva objevy starých slovanských Nápísv. Slavia, 1951—1952, XX. Jakobson. Vestiges of the Earliest Russian Vernacular, «Word», 1952, VIII. Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. Сборник статей в честь М. Н. Артамонова, Л., 1961. Ю. М. Золотов. О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна». СА, 1961, I.

³⁷ В. С. Дедюхина. Скандинавские вещи на территории Руси. Рукопись на кафедре археологии МГУ.

³⁸ P. H. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962, p. 204.

роятно, что эти курганы возникли на скрещении водных путей, ведущих в Днепр из Ловати и из Зап. Двины. Голубовский указал пути через р. Касплю (детализированный Лявданским) и через р. Воль ³⁹. Эти пути, как нам кажется, не равнозначны и не одновременны. Смоленск не лежал на первом пути и не мог его контролировать, несмотря на то, что эта дорога, по мнению Голубовского, сохраняла некоторое значение в эпоху подъема Смоленска ⁴⁰. Гораздо важнее был удобный путь через р. Воль. На волоках этого пути возникают богатые поселения. Развилка этих путей лежала как раз в районе Гнездова. Летопись же сообщает нам, что мертвых хоронили «на путях». Здесь, «на путях» возникло и громадное курганное кладбище Смоленска. Если предположение о причинах, побудивших смолян возвести курганы в Гнездове, верно, то путь через Воль был открыт в X веке.

Наиболее поздние курганы в Гнездове относятся к самому началу XI в. В это время изменяется и обряд погребения. В последние годы в Гнездове раскопан ряд курганов, содержащих труположение в яме, которая была вырыта на месте, предназначенном для возведения кургана, после сожжения ритуального костра. В этом обряде можно видеть влияние христианства, еще не ставшего господствующей религией. С крещением Смоленской земли, которое ряд исследователей относит к 1013 г. ⁴¹, возведение курганов в Гнездове прекратилось.

В Гнездове, кроме курганов, имеются два городища, с которыми сначала Сизов, а потом и Спицын, связывали первоначальное место Смоленска. Эта гипотеза основывалась на находках на гнездовских городищах вещей, однотипных вещам из курганов. Как показали раскопки 1952—53 гг., эти вещи происходят из разрушенных кострищ курганов, которые были на площадке центрального гнездовского городища и на месте его валов. Валы же были насыпаны в XVII в., когда в Гнездове жил польский епископ. Другое городище — Ольшанское — также не имеет слоев IX—X вв. Здесь было лишь временное поселение, относящееся к XVI—XVII вв. ⁴². Так рухнула гипотеза Сизова—Спицына о переносе Смоленска с места на место. Это выбило еще один аргумент из рук норманистов, которые включали эти городища в систему доказательств существования ва-

³⁹ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 9—10; А. Н. Лявданский. Материалы к археол. карте..., стр. 128.

⁴⁰ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 9, примеч. 4.
⁴¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 355. Автор ссылается на книгу Н. П. Виноградова. Исторический очерк г. Вязьмы, М., 1890, который, в свою очередь, указывает на рукопись Публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина (древлехранительница Погодина № 1600).

⁴² Д. А. Авдусин. К вопросу о первоначальном месте Смоленска. Вестник Московского ун-та, 1953, № 7. Он же. Раскопки гнездовских городищ в 1953 г. Вестник Московского ун-та, 1953, № 11.

ряжской колонии в Гнездове. Древнего Смоленска в Гнездове не оказалось.

В Гнездове есть и селища, которые открыл Лявданский ⁴³. Он считал их одновременными курганам. Действительно, в верхнем слое селищ есть керамика идентичная посуде из курганов. Но на этих селищах жители Гнездова находили обломки стеклянных браслетов XII—XIII вв., т. е. того времени, когда в Гнездове уже не хоронили, а Смоленск, даже по мнению Сизова—Спицына, был уже на своем современном месте и достиг расцвета. В 1960 г. раскапывалось селище на южной окраине дер. Гнездова. Раскопки показали, что поселение там возникло около XI в. и существовало лишь 1—2 столетия. Впрочем, характер гнездовских селищ еще предстоит выяснить.

Третий раз Смоленск упоминается в летописях под 1015 г. в связи с убийством князя Глеба. А. Н. Насонов так и считает, что не будь этого события, Смоленск еще долго не появился бы на страницах южнорусской летописи ⁴⁴. По мнению А. А. Шахматова, статья об убийстве Глеба является вставкой, сделанной не позднее 1095 г. ⁴⁵.

В этой летописной статье впервые упомянута Смядынь — местность, лежащая ниже Смоленска по Днепру. «Повесть временных лет» сообщает, что Глеб «поиде от Смоленска яко зрѣмо и ста на Смядинѣ в насадѣ». «Житие Бориса и Глеба» излагает это место несколько иначе: «И яко приде к Смолиньску и поиде от Смолиньска яко зуреим едино ста на Смядине в кораблици» ⁴⁶. В обоих случаях текст дает возможность двой-

⁴³ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты..., стр. 139.

⁴⁴ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 163.

⁴⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. П., 1918, стр. 76—78 и 92—97.

⁴⁶ Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба, Пгр., 1916, стр. 39, 70. А. В. Арциховский справедливо полагает, что поскольку вставка сделана не позже 1095 г., то «маршрут Муром—Волга—Смоленск был обычен для конца XI в. Такой обход делался для того, чтобы миновать землю вятичей. Из этого можно заключить, какие с ними отношения были у русских князей». (А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 155). Отношения Глеба со смядянами были не столь враждебными, так как, судя по летописи, Глеб сделал остановку в Смоленске. Это же сообщение не дает права предположить, что только в Смоленске он сел в насад. (Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник, М., 1957, стр. 38). Видимо, повредив ногу, Глеб вынужден был избрать водный путь еще на волоке. Может быть даже, он сразу собирался сесть там в ладью, иначе зачем был ему на коне ехать именно к волоку? Водная дорога с Волги в Смоленскую землю была хорошо известна (П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 11—12). Остановка Глеба, едва он отъехал от Смоленска, может быть объяснена тем, что именно там его догнали гонцы от Ярослава. Описание дальнейших событий на Смядыни содержит ряд неясностей. Следует также вспомнить, что убийство Глеба произошло через два года после предполагаемого запоздалого крещения Смоленской земли. Как известно, крещение вызывало народные волнения. Можно предположить, что убийцам Глеба помогали новоявленные христиане, которые не могли питать добрых чувств к претенденту на киевский стол.

ного толкования — то ли насад был виден из Смоленска, то ли Смоленск из насада. Более вероятным кажется второе решение. Смядынь видна из Смоленска только с холмов, но и с них вряд ли был виден маленький кораблик Глеба. Но, как бы то ни было, если Глеб видел Смоленск, то он видел заселенное место, а не пустые холмы, возвышавшиеся над городом; если же из Смоленска видели насад Глеба, то видели его из населенного пункта, а не с тех же пустых холмов. Значит, можно полагать, что в конце XI в. (т. е. когда была сделана вставка в летопись) по крайней мере один из этих холмов был заселен. Как говорилось выше, на Соборном холме Лявданским был найден культурный слой с черепками типа керамики Ковшаровского городища, т. е. XI—XIII вв. Георгиевский, Воскресенский и ближайший к Смядыни Казанский холмы археологически не обследованы.

Сведения о Смядыни противоречивы. В «Сказании о Борисе и Глебе» она рисуется местностью пустынной, в другом источнике это место «строино». Видимо, нужно отдать предпочтение первому варианту, так как убитый Глеб был брошен на берегу и лежал там долгое время, что мало вероятно для застроенного места.

Истории Смядыни посвящены исследования Писарева и Орловского, которые подчеркивали, что Смядынь для Смоленска была тем же, чем Вышгород для Киева. По их мнению, это не только княжеская местность, но и центр смоленской внешней торговли⁴⁷. В связи с этой гипотезой в 1958—59 гг. Московским университетом здесь были предприняты археологические разведки. У развалин смядынских церквей, у Свирской церкви и на Кловке были заложены 27 шурфов и одна траншея.

Шурфы, заложенные между развалинами двух смядынских храмов, открыли сильно перекопанный культурный слой. Керамика, относящейся к домонгольскому времени, здесь почти нет. Обнаружены один обломок стеклянного браслета XII—XIII вв. и две бусины. В некоторых шурфах на самом дне встречены черепки черно-серебристого лощения (XVI—XVII вв.). На этой же территории вскрыто четыре погребения без вещей, датировать которые не удалось. Видимо, здесь было кладбище времени существования смядынских церквей.

Приблизительно те же результаты дали шурфы, заложенные по направлению к Свирской церкви и вокруг нее. Лишь шурф к юго-востоку от этой церкви в нижних слоях содержал более или менее однородную керамику XII—XIV вв. Никаких остатков древних построек не встречено, лишь выше Свирской церкви в конце 2-го Краснофлотского переулка находились остатки древней церкви из плинфы, впоследствии раскопанные Н. Н. Ворониным.

⁴⁷ И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске..., стр. 207.

Незначительное количество древней керамики, отсутствие следов сооружений, отсутствие древних вещей, наличие на материке черепков XVI—XVII вв. противоречит предположению Писарева и Орловского об эксцентричном ядре Смоленска на Смядыни в XII—XIII вв., так как крупный поселок, торговый центр несомненно оставил бы значительные следы своего существования. Керамика XII—XIV вв. у Свирской церкви говорит о каком-то имевшемся там поселении, но эти слои не подступают к Днепру, а отходят от него. Следы этого поселения должны быть доследованы и возможно подтвердится предположение о Смядыни, как о княжеской местности, как об убежище смоленских князей.

Раскопки на Кловке подтвердили мнение Писарева о существовавшей там церкви XVI—XVII вв., кладка которой состоит из большемерного кирпича. Она лежала на подушке из глины и очень плотного известкового раствора, в котором встречались беспорядочно расположенные куски битой плинфы, видимо, взятой из соседних развалин Борисоглебского монастыря.

Писарев и другие краеведы на приднепровскую часть Смядыни указывали как на место находок древних вислых печатей и некоторых других домонгольских древностей. Поскольку кроме церкви остатков иных сооружений здесь не найдено, можно думать, что эти вещи происходят из монастыря. В монастырях часто хранились различные грамоты.

Древнейшая из этих печатей найдена в 1953 г. в развалинах Борисоглебской церкви. В. Л. Янин относит эту печать к Вячеславу Ярославичу, первому в летописи смоленскому князю, который родился в 1034 г., в 1054 г. получил от отца в княжение Смоленск, в 1057 г. умер. Судя по этой печати, христианское имя Вячеслава — Меркурий. На этом основании Янин предполагает большую древность почитания Меркурия в Смоленске, возникновение этого культа до составления жития Меркурия Смоленского, связывающего этого святого с событиями XIII в.⁴⁸ Может быть, — заключает Янин, — это почитание связано с несохранившимся патрональным храмом князя Вячеслава — Меркурия⁴⁹.

Если Ярослав завещал Смоленск своему сыну, то это значит, что Смоленск уже был подчинен киевскому князю. Судя по летописной статье об убийстве Глеба, эти отношения Смоленска и Киева во время ее составления уже были реальностью. Таким образом, время этого подчинения лежит где-то между 907 и 1054 гг. Исходя из времени прекращения возведения Гнез-

⁴⁸ В Смоленском Успенском соборе хранятся доспехи святого Меркурия. Их изображение опубликовано де-Баем. Судя по этому изображению, доспехи относятся к XVI—XVII вв. Если какие-либо доспехи и хранились в соборе до 1611 г., то впоследствии они были подменены фальшивыми.

⁴⁹ В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича. КСИИМК, 55, М., 1954.

довских курганов, из даты крещения Смоленской земли, из событий 1015 г., кажется можно предположить, что самостоятельность по отношению к княжеской власти Смоленск утратил в тот период, который непосредственно предшествовал 1015 году, т. е. на рубеже X и XI вв.

С 1057 г. Смоленск входит в сложную систему перераспределения княжений между потомками Ярослава. В XII в. в Смоленске возникла собственная княжеская династия, что знаменует собой обособление Смоленского княжества. XII—XIII вв. были временем бурного роста города, временем его экономического расцвета.

По данным И. М. Хозерова, в Смоленске в XII—XIII вв. находилось 27 каменных церквей⁵⁰. И. Д. Белогорцев насчитал в Смоленске 46 объектов, которые были построены в это время⁵¹. Хотя сведения Белогорцева неточны (например, не оказалось «охогничей гридницы» к западу от Петропавловской церкви и некоторых других руин), небезынтересно, что в Заднепровье им названо только 7 объектов, а остальные расположены на левом берегу Днепра. Это соотношение может указывать на левобережное расположение центра города. Наибольшее количество руин кирпичных зданий примыкает к Днепру, что подчеркивает важность этой низинной части города в XII—XIII вв.

Анализ архитектуры сохранившихся церквей и руин дает в руки исследователя истории Смоленска ценный материал, иногда существенно дополняющий письменные источники. Как мы только что видели, расположение этих памятников является важным источником для изучения топографии древнего Смоленска и, можно добавить, его пригородов. Но древняя архитектура для нас, прежде всего, — памятник народного творчества. Русские постройки отражали уровень развития культуры в Смоленской земле, высокие стремления их строителей. Совершенство форм сохранившихся древних зданий (а их в Смоленске только три: Петропавловская, Иоаннобогословская и Свирская церкви) — результат многолетнего интеллектуального и физического труда наших далеких предков — мыслителей и создателей.

Памятники зодчества сохранили для нас не только архитектурные формы, но и произведения изобразительного искусства, от изящных рисунков палочкой по глине еще необожженного кирпича до великолепных фресок, которые дошли до нас лишь через археологические раскопки. Раскопки церкви у д. Шейновки, предпринятые в 1962—63 гг. Н. Н. Ворониным, обогатили нас замечательными произведениями древнерусской живописи, о которой ранее мы могли судить лишь по плохим рисункам,

⁵⁰ И. Д. Белогорцев, Новые исследования древнесмоленского зодчества. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1, Смоленск, 1952, стр. 88.

⁵¹ Там же, стр. 88—92.

сделанным при первых раскопках этого храма М. П. Полесским-Щепилло⁵². В раскопках Н. Н. Воронина на стене церкви была также открыта важная надпись, позволяющая углубить наши знания о политических событиях в Смоленске XIII века⁵³.

Анализ строительной техники, клейм и знаков на кирпичках ряда древних смоленских зданий позволил яснее представить материальную основу развития общества — ремесло⁵⁴.

Земля Смоленска сохранила нам и замечательный памятник оборонного зодчества, раскопанный в 1958 г. у ц. Иоанна Богослова. Открытая здесь круглая башня вероятно была выдвинутым вперед укреплением, защищавшим Смоленск с запада⁵⁵. Можно думать, что она дополняла укрепления города, упомянутые под 1141 г.

О строительных работах 1141 г. нам известно, что «Льта 6649 Ростиславъ Мстиславичъ устро(и) градъ великий Смоленскъ и церковь созда святого Спаса верхъ Смядыни и градъ Мстиславъ на Вехрѣ оупъ же созда»⁵⁶. Это был «град великий», значит, эти стены охватывали значительную часть города, а не только детинец. По нашему предположению, такие стены должны были быть и до Ростислава. При постройке новых стен естественнее было бы ожидать терминов «срубил» (если город был деревянный), «заложил» (если он был каменный), или «создал», как в том же сообщении говорится о стенах города Мстиславля и о церкви Спаса. Однако, источник говорит «устроил», что можно понимать как достройку или перестройку уже имевшихся укреплений⁵⁷.

Где проходили эти стены, достроенные, отремонтированные или усовершенствованные Ростиславом, мы не знаем. Все имею-

⁵² М. П. Полесский-Щепилло. Раскопки развалин древнего храма. «Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г.». Рисунки находятся в Ленинградском отделении Ин-та археологии АН СССР. Дело № 7 за 1867 г.

⁵³ См. статьи Н. Н. Воронина и Б. А. Рыбакова в «Советской археологии», 1964, № 2.

⁵⁴ И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. V, вып. 3, Смоленск, 1929. Он же. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. Д. А. Авдусин. Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке). «Советская археология», 1957, № 2.

⁵⁵ Д. А. Авдусин. Смоленская ротонда. Историко-археологический сборник, А. В. Аршиховскому к 60-летию со дня рождения, изд-во МГУ, 1962.

⁵⁶ И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске..., стр. 209.

⁵⁷ Сочетание слов «сило устроити» И. И. Срезневский толкует как «укрепить», основываясь на Ипатьевской летописи под 1175 г. (Материалы для словаря древнерусского языка, СПб, 1912, т. 3, стр. 1287). Но следует обратить внимание и на то, что там говорится и об украшении городских укреплений золотыми воротами: «Князь же Андрей бе город Володимир силу оустроил, к нему же ворота золотая доспе». Даже в том же тексте термин «устроил» много раз употреблен в смысле «украсил». О Боголюбове там же говорится, что «создал же башеть себе город камен».

щиеся в литературе предположения о направлении этих стен, равно как позднейшего «литовского вала», гипотетичны, не доказаны⁵⁸.

Наши знания о смоленском посаде пока еще недостаточны. Вопрос о его возникновении и развитии, о занятиях рядовых горожан, об их быте и других сторонах жизни посадских людей письменными источниками освещен скупо. Поэтому археологические раскопки посада представляют большой интерес.

В 1951—52 гг., в 1954—55 гг. и в 1957 г. раскопки производились на улицах Соболева и Студенческой. Особенно интересный материал дали раскопы на ул. Соболева вблизи старых крепостных ворот. Ворота крепости XVI в. ныне не существуют, но на их месте в начале XIX в. было построено здание, также имеющее воротный проем. Можно было предполагать, что ворота крепости были здесь и до XVI в., тем более, что их место обусловлено местом переправы через Днепр. Если же ворота были здесь, то здесь же должны были проходить и древние улицы, ведущие от них в разных направлениях в город. Значит, можно было ожидать, что этот район в древности должен был быть оживленным и густо заселенным.

Эти предположения оправдались. Раскопы выяснили, что мощность культурных напластований здесь весьма велика — до 780 см, что несколько превышает даже мощность подобных слоев в Новгороде. Напластования в районе ул. Соболева можно разделить на шесть слоев. Нижний, шестой слой содержал костяной гребень, стеклянные перстни, стеклянные золоченую и зеленую бусы. Хронологические пределы некоторых вещей заходят в XI в., но этим временем слой датировать нельзя, т. к. в нем обломков стеклянных браслетов хотя и значительно меньше, чем в 5-м слое, но их еще довольно много, а в слоях XI в. их не должно быть. Поэтому дата слоя — начало XII века.

Вещи XI века в большем количестве встречены в нижнем слое раскопа на Студенческой улице, но в этом слое встречены перекопы, почему к его датировке нужно подходить с большой осторожностью. Не исключено, что древнейшие вещи были занесены на исследованное место с территории, заселенной в более раннее время, расположенной где-то рядом со Студенческой улицей. Во всяком случае, вещи XI века, встречающиеся на Смоленском посаде, являются следами слоя этого времени, к которому мы вправе отнести существование этого посада. Слоев же IX—X вв. или их следов пока на посаде нет.

Из прочих находок на Студенческой улице большое значение имеет свинцовая вислая печать с надписью: «Господи помози

⁵⁸ Сведения о направлении древних валов взяты с весьма спорных изображений на планах Смоленска XVII в. Литовским же валом названа сравнительно невысокая земляная насыпь в Парке культуры (б. Лопатинский), неизвестно когда и кем насыпанная. Ее датировать можно только путем раскопок.

рабу своему Василию». Это печать Владимира Мономаха, который в 1101 году был смоленским князем и носил христианское имя Василий⁵⁹.

У крепостных ворот на ул. Соболева прослежено 15 слоев деревянных мостовых. Подобная система мостовых хорошо изучена в Новгороде; она была и в ряде других древнерусских городов.

15 слоев мостовых, последовательно сменявших друг друга, говорят, что направление улицы, на которой они лежали, было постоянным. Это явление можно рассматривать как косвенное доказательство существования крепостных ворот на этом месте еще в начале XII века, к которому относится древнейшая из мостовых этой улицы. Размеры этой крепости нам пока неизвестны, но может быть это был тот «великий град», который отремонтировал или достроил Ростислав в 1141 г.

⁵⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, М., 1962, стр. 75.